

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.186-200>
EDN: UAVBBK

УДК 93/94(470.57)

СТАНОВЛЕНИЕ ТАТАРО-МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩНОСТИ В ИКСКО-БЕЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ В XIII–XIV ВЕКАХ

И.Л. Измайлов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация,
ismail@inbox.ru*

Резюме. Цель исследования: выявить и определить комплекс историко-археологических и лингвистических материалов, представляющих сведения о населении Икско-Бельского междуречья в XIII–XIV вв.

Материалы исследования: в статье использованы материалы археологических исследований, письменные и эпиграфические источники с территории Икско-Бельского междуречья XIII–XIV вв.

Новизна и результаты исследования: в период Улуса Джучи на территорию Икско-Бельского междуречья (Агидель-юрт) стало активно проникать земледельческое и мусульманское население из Болгарского улуса, тогда как степную зону заселяло кочевое население. Позднее граница между оседло-земледельческим и кочевым населением становится динамичной в связи с кризисом в позднезолотоордынское время. Северная часть Восточного Закамья оставалась освоено исключительно мусульманским земледельческим населением, которое уже в более позднее время стало основой формирования татарского народа.

Ключевые слова: Икско-бельское междуречье, Улус Джучи (Золотая Орда), контактная зона, археологические памятники, мавзолеи, мусульманская культура, тюркизация, эпиграфические памятники, оседло-земледельческое население

Для цитирования: Измайлов И.Л. Становление татаро-мусульманской общности в Икско-Бельском междуречье в XIII–XIV веках // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 186–200. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.186-200> EDN: UAVBBK

© Измайлов И.Л., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE FORMATION OF THE TATAR-MUSLIM COMMUNITY IN THE IK-BELAYA INTERFLUVE IN THE 13TH–14TH CENTURIES

I.L. Izmailov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

ismail@inbox.ru

Abstract. To identify and define a complex of historical, archaeological and linguistic materials representing information about the population of the Ik-Belaya interfluve in the 13th–14th centuries.

Research materials: The article uses materials of archaeological research, as well as written and epigraphic sources from the territory of the Ik-Belaya interfluve of the 13th–14th centuries.

Novelty and results of the study: During the period of the Golden Horde (Ulus of Jochi), the agricultural and Muslim population from the Bulgarian ulus began to actively penetrate into the territory of the Ik-Belaya interfluve (Agidel-yurt) while the steppe zone was inhabited by a nomadic population. Earlier, only the Tatar military aristocracy penetrated into the Bulgarian ulus, but nomadic tribes did not do so. Later, the border between the settled agricultural and nomadic populations became dynamic due to the crisis in the Late Golden Horde period. The northern part of the Eastern Kama region remained exclusively developed by the Muslim agricultural population which later became the basis for the formation of the Tatar people.

Keywords: Ik-Belaya interfluve, Ulus of Jochi (Golden Horde), contact zone, archaeological sites, mausoleums, Muslim culture, Turkization, epigraphic monuments, settled agricultural population

For citation: Izmailov I.L. The formation of the Tatar-Muslim community in the Ik-Belaya interfluve in the 13th–14th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 186–200. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.186-200> (In Russian)

Регион Икско-Бельского междуречья имел на протяжении нашей эры определенное своеобразие, связанное с географическим положением и историко-археологическим положением. В географическом отношении эта территория являлась на протяжении веков зоной лесостепи, ограниченной с севера рекой Камой и прорезанной руслами ее левых притоков. На юге она окружается невысокими возвышенностями – старыми горами, частично занятых степями. Особенностью этой территории было то, что ландшафтные зоны здесь вытянуты не по долготе, а в широтном отношении, чередуя лесные массивы, степные языки и лесостепные речные долины. Подобная географическая зональность обусловила в определенном смысле особенности исторического развития региона, отразившегося в археологическом материале, как своеобразной контактной зоны между лесным и степным населением, между кочевниками-скотоводами и оседлыми земледельцами, а позднее между исламской цивилизацией и языческой периферией (подробнее см.: [14, с. 226–238]).

Исходя из всего комплекса историко-археологических материалов, можно констатировать, что борьба за ресурсы и приоритет в контроле за этими

контактами составляли основной стержень подъема и упадок различных обществ Предкамья и Восточного Закамья. Стоявшие на сравнительно высокой стадии общественного развития индоевропейские народы степной и лесостепной зоны пользовались преимуществами в военном деле и близости к рынкам сбыта товаров, производимых в Прикамье, прежде всего пушнины, металлических руд, даров леса и т.д. Важную роль в развитии культур эпохи древности и первых веков нашей эры представляли военные экспедиции сообществ южных племен, которые периодически устанавливали свою власть над местными общинами с целью их эксплуатации и изъятия товаров для последующей продажи в развитые страны Востока. В силу этого обстоятельства регион Шешминско-Бельского междуречья был зоной активных контактов между весьма различными группами населения. Подобное положение было характерно для периода древности, а также практически для всей эпохи средневековья в IX–XVII вв. Пограничность территории определяла и ее слабую заселенность в некоторые периоды истории (например, в X–XIII вв.), поскольку предполагала наличие обширных нейтральных земель, межевых пустошей и приграничных зон безопасности (Общая характеристику см.: [5, с. 208–228; 14, с. 226–238]).

Источники по истории данного региона, в силу его удаленности от центров мировой цивилизации, скудны и мало информативны. Они имеют, как правило, самый общий характер и не содержат конкретных указаний на возможность использовать терминологию, использованную в восточной историко-географической традиции (например, «область Басджирт или Баскарт»), для использования при характеристике Икско-Бельского междуречья XIII–XV вв. Попытки использовать эту терминологию для обозначения всей территории современной Башкирии, опираясь на некий абстрактный термин «Исторический Большой Башкортостан», трактуемый чрезвычайно широко [13, с. 76], представляется абсолютно внеисторическими попытками придать националистическим штудиям местных историков вид научного термина. Точно также нельзя не признать, что попытки реконструировать политическую историю Южного Урала в составе Улуса Джучи, используя башкирские шеджере и исторические сказания XVIII–XIX вв. [13, с. 45–128], являются ненаучными, пока не будет проведен хотя бы предварительный анализ их как исторического источника. Пока же картина административного и этнополитического развития Южного Урала в период Улуса Джучи остается релевантной до тех пор, пока сохраняется довольно шаткая вера в возможность использовать некие устные предания неизвестно, когда и неизвестно с какой целью созданные, для детальной реконструкции истории, случившейся за 600 лет до этого. Понятно, для релевантной картины истории одной такой веры явно недостаточно. Ясно, что для реконструкции истории Икско-Бельского междуречья в период Улуса Джучи важную роль должна играть методика извлечения исторической информации из археологических источников.

Советская историческая наука мало и не систематически обращалась к изучению локальной истории и процессах этнокультурного взаимодействия в условиях контактных зон. Препятствием служили не только фактически нулевая источниковедческая база, но и недостаточная до недавнего времени археологическая изученность Восточного Закамья. Поэтому традиционно полноценная историческая периодизация применительно к этому региону

обычно в отечественной науке заменялась археологической (схемой последовательных чередований археологических культур), которая имплицитно наделялась этническим содержанием. Современный уровень развития науки требует построения более комплексной и системной концепции с привлечением всего массива источников, особенно, когда речь идет об этнокультурных процессах и взаимодействиях.

Сложность также заключалась в том, что регион оказался искусственно разделен границами двух национальных республик Татарстана и Башкортостана. В локальных историографиях этих республик создавались свои периодизации, подходы и приоритеты в изучении разных периодов истории. Неудивительно, что периодизация средневековой истории данного региона не была предметом специального изучения, этнокультурные взаимодействия между различными общинами и народами рассматривались только через призму археологии или в свете последующих национальных процессов. Не было определено само понятие периодизации и его применимость в отношении Иско-Бельского междуречья.

Впервые попытку представить микрохронологию данного региона предпринял Е.П. Казаков, который выявил и изучил основные средневековые археологические памятники VIII–XIV вв. [20, с. 8–9, 34, 97–99]. Он предложил их археологическую периодизацию, в целом определив их как «памятники болгарского времени», а также предпринял попытку их внутреннего членения. Однако возражение вызывает неоправданное смешивание и подмена археологической (культурной) и собственно исторической периодизаций, а также использование неопределенных псевдоархеологических терминов («болгарское время», памятники «болгарского времени») для характеристики исторических периодов. По его представлениям, этот период включает все средневековье, не учитывая ни археологических трансформаций, ни исторических изменений. Кроме того, подобная периодизация страдает излишней «этнизацией» археологических реалий.

Преодолевая подобные проблемы, предложили периодизацию, основанную на хронологии исторических событий. Вполне логично, период Улуса Джучи (Золотой Орды) выделен ими в самостоятельный этап (1236–1437 гг.), который характеризуется особыми процессами в социально-политическом, хозяйственном и культурном развитии региона [12, с. 121–183; 13]. Этот подход, несомненно, является шагом в правильном направлении, хотя и осложнен вынужденными постоянными отсылками связи этнических процессов с существованием древних башкир. В частности, бездоказательно принимается весьма спорный тезис о связи населения, оставившего памятники чияликской культуры с родоплеменными группами башкир еней, гайна, танып, юрматы и буляр-байларцев [13, с. 146]. Эти ничем не подкрепленные домыслы априорно указывают на направление этнокультурных связей, игнорируя весь комплекс историко-археологических материалов.

Вместе с тем установление власти монгольских ханов и формирование Улуса Джучи, с 1269 г. ставшего самостоятельным государством, повлекло серьезные административные, социально-политические и культурно-языковые изменения. Во-первых, после завоевания Булгарии монгольскими ханами, ее территория входит в состав Улуса Джучи и становится Болгарским улусом, непосредственно подчиненным ханам Золотой Орды [19; 17, с. 599–

617], а, во-вторых, Восточное Закамье и Южный Урал становятся зоной меридионального кочевания скотоводов, входивших в административно-улусную систему Золотой Орды.

Относительно принадлежности этой территории к какому-то улусу и крылу Золотой Орды нет определенного согласованного мнения. Представляется, что границей между Ак Ордой и Кок Ордой был водораздел между Волгой и Яиком (Уралом) и севернее по степям Южного Урала [18, с. 91, 97–98; 19, с. 188–194]. Конкретные границы непонятны, но общий пограничный регион понятен – улус «Башкард», т.е. степи Южного Приуралья. В этой связи нельзя, как делают некоторые авторы полагать, что граница между крыльями Золотой Орды проходила по бассейну р. Белой, для чего якобы были восстановлены и созданы новые крепости (Уфа («Уфа-2»), Боре («Чертово городище»), городище Кара-Абыз под Благовещенском, Старокалмашевское городище близ Чекмагуша и др.) [1, с. 792]. Предположить можно все, никаких фактов относительно этого нет, поскольку никаких слоев, кроме ранне-средневековых (турбаслинская, бахмутинская и кушнаренковская культуры) не позднее X в. на них не выявлено (подробнее см.: [3, №312, с. 60, №979, с. 120, №1015, с. 124, 1023, с. 125]. Нет никаких оснований считать, что эти городища функционировали в XIII–XVI вв. Вообще, между различными улусами и крыльями Золотой Орды нигде не обнаружены цепочки пограничных крепостей, а все города (часто неукрепленные) являлись административно-политическими центрами областей.

Иными словами, Икско-Бельское междуречье являлось частью Ак Орды и было отдельной областью. Возникает вопрос о названии этого региона и его месте в административно-улусной системе. Письменные источники дают только самое общее определение, именуя территорию между Болгарским улусом и «странами Сибир-Ибир», как «область Башкырды» и страна «Чулыман» (подборку сведений и их анализ см.: [12, с. 65–96; 13, с. 88–102, 122–130]). Сведения об этом настолько отрывочные и смутные, что позволяют трактовать их практически произвольно. Главный вопрос состоит в том, можно ли относить этот регион к «области Башкырды» не прибегая к расширительным трактовкам типа «Исторической Великой Башкирии» и насколько этот регион был административной областью, а не «исторической областью» с определенными границами на ментальной карте современников и неопределенными – на реальной. К сожалению, однозначного ответа на эти вопросы нет, но и безоговорочно относить эту территорию к «области Башкырды» нет оснований. Противоречит этому тот факт, что «области Башкырды», по представлениям современников, населяли кочевые скотоводы, что справедливо по отношению к степному Южному Уралу, а не к Восточному Закамью. В этой связи, нельзя обойти вниманием существование древнего топонима Агидель («Беловоложская» страна) [27; 21; 17, с. 599–617]. Не исключено, что и в эпоху Золотой Орды эта область представлялась на стыке Улуса Болгара, стран Чулыман (Восточное Закамье и Северное Прикамье) и Башкырды, а к востоку от них находились земли «Сибир-Ибир». Для такого понимания этого региона есть весьма серьезные археологические материалы.

Достоверные археологические факты свидетельствуют о другом. На этой территории, как и в остальной части Северной Евразии в пределах Улуса Джучи начинает складываться новая золотоордынская археологическая куль-

тура, включая ряд локальных вариантов (например, на территории бывшей Булгарии) [14, с. 60–62]. Именно в золотоордынский период (XIII–XV вв.) в истории Икско-Бельского региона происходили значительные этнокультурные трансформации, связанные прежде всего с миграцией оседло-земледельческого и мусульманского населения на восток. Если середины XIII в. границей между Булгарией и зоной проживания полукучевых народов, находившихся под ее протекторатом, была р. Шешма, то позднее она сдвигается далеко на восток Икско-Бельского междуречья [17, с. 460]. Возрастает количество селищ, слои которых содержат остатки материальной культуры золотоордынского типа (круговая посуда, ювелирные изделия, оружие и т.д.). Памятники эти расположены как на левобережье Камы, так и вдоль рек Ик и Белая (Семиостровское I, Баскульское VI, Бикбуловское, Меллятамакское I, Новохуторское I и др. селища). Здесь же обнаружены кладбища с мусульманскими надгробиями (Утяшкино, Средние Челны, Клятли) [26; 3; 4].

Чересполосно с ними появляются своеобразные памятники, так называемой «чияликской культуры» – селища со своеобразной лепной и круговой круглодонной посудой с примесью песка в тесте, украшенной веревочно-гребенчатым орнаментом (Чияликское, Игимское, Меллятамакское VI и др.) и грунтовые могильники (Такталачукский и Азметьевский I), содержащие (всего изучено около 500) погребения, совершенные по мусульманскому обряду с некоторыми отклонениями (наличие украшений, различное положение рук умершего и т.д.). Особенностью является то, что детские погребения сопровождалась лепными круглодонными сосудами с веревочно-гребенчатой орнаментацией. По крайней мере часть этих сосудов была ритуальной. Носителями этой культуры, по мнению исследователей было мусульманизованное и оседлое, очевидно, смешанное население, включающее различные по происхождению общины [20, с. 34–93; 7, с. 130–139; 4, с. 12; 23; 10, с. 181–196]. Не исключено, что часть этого населения специально переселялась насильственно или добровольно из Зауралья и Южной Сибири. Вопреки мнению некоторых археологов и историков [20, с. 97–99; 10, с. 181–196], преемственность оставившего эти археологические памятники населения с предшествующим не очевидна. Во всяком случае, никаких аналогий между кушнареновско-караякуповской и некоей «постпетрогромской» и чияликской культурами, ни по технологии гончарства, ни по погребальному обряду нет. Это сводит на нет все попытки объявить основным населением региона некие угорские племена. Они вели полукучевой образ жизни, практически не имея стационарных поселений.

По сути дела, можно говорить, что именно с этого момента в Восточном Закамье, особенно в низовьях рек Зай, Ик, Белая (Агидель) происходит формирование единой мусульманской и оседло-земледельческой общности. Одновременно в Улусе Джучи идет формирование новой татарской этносоциальной общности. На этой территории Восточного Закамья и бассейна р. Белой открыты многочисленные памятники, оставленные земледельческим мусульманским населением. В центре проживания этого населения известно довольно крупное и сильно укрепленное Старокалмашевское городище в урочище «Кала-Тау». К сожалению, результаты раскопок не опубликованы, что затрудняет его детальное изучение. Обычно оно датируется VII–X вв. [3, с. 60]. Вместе с тем, среди подъемного материала с этого городища есть

предметы вооружения и быта, относящиеся к XIII–XIV вв. Поэтому вполне возможно, что оно относится к золотоордынской археологической культуре.

Вокруг него известен целый ряд поселений оседло-земледельческого типа. Проблема, однако в том, что уфимские археологи в силу ряда причин предпочитают отрицать наличие миграции мусульманского земледельческого населения в Восточное Закамье. При этом даже массовое появление круговой гончарной посуды на селищах XIII–XIV вв. объясняется торговыми контактами. Часто авторы апеллируют к тому, что в детских погребениях чияликской культуры встречаются те же лепные сосуды, что встречаются на поселениях, хотя и в небольшом количестве (Обсуждение этого вопроса см.: [2, с. 106]. Главным вопросом остается ключевой для отечественной археологии вопрос о керамике, которая имплицитно считается главным признаком «археологической этничности». При этом никак не оговаривается, почему гончарная круговая посуда вдруг стала необычайно популярной в этом регионе именно в золотоордынский период, хотя три века до этого ей никто не пользовался. Очевидно, что смена столовой посуды должна была сопровождаться сменой кухни, т.е. способов приготовления и употребления пищи. Но такие перемены должны были знаменовать переход к земледелию. Не менее интересным является вопрос о возможности и желании торговать этой посудой на такие расстояния, чего ранее не наблюдалось. Сомнительный экономический эффект этого предприятия очевиден, но гораздо труднее объяснить, почему такое производство не могло быть организовано на месте. В любом случае рассуждения о керамике, как о показателе «этнических миграций» становятся очень сомнительными.

Гораздо более выразительными доказательствами являются могильники. В Икско-Бельском междуречье XIII–XVI вв. их довольно много (не менее 15), причем значительное их количество содержит каменные надгробия с эпитафиями. Это такие некрополи как «Красный Ключ» и Сынташ (Чишминский район РБ), Старокалмашевское (Чекмагушевский район РБ), Нагайбакские I, II и III, Батраковский (Бакалинский район), Урсаевское, Старомаршаское, Тумутукское (Азнакаевский район РТ), а также другие (подробнее см.: [8, с. 39–40].

На некоторых этих кладбищах, которые до сих пор использует местное население, выявлены надгробия с арабографическими надписями и с датировками XIV века. Все это явно и недвусмысленно свидетельствует, что в бассейне реки Белой было не просто мусульманское земледельческое население, но и достаточно богатое, чтобы заказать и привезти из Болгара красивое надгробие. Одна из них сохранилась в мавзолее Хусейн-бека. В эпитафии он назван «справедливым в своих решениях хаджи Хусейн-бек б. Омар-бек из Туркестана», датой смерти указано 15 сентября 1339 год¹. В настоящее время текст памятника частично поврежден и уже почти невозможно прочесть имена и дату [31; 32]. Надгробие из пос. Красный Ключ представляет собой «типичный образец болгарских эпитафических памятников II стиля конца XIII и первой половины XIV в. Из-за сильных повреждений строк определить точнее дату не представляется возможным» [32, с. 127]. Аналогичным образом определяется

¹ По последним уточнениям эпиграфиста А.М. Гайнутдинова, Хусейн-бек скончался в 1344 г. Более подробно см.: Гайнутдинов А.М. Эпитафия на памятнике Хусейн-беку // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 168. (прим. гл. ред.).

надгробие в месте, называемом Сынташ, датированное 731 г. х. (1330/31 гг.) [32, с. 129]. В эпитафии Старокалмашевской плиты указана дата погребения – 747 г. х. (1346/47 гг.) [22, с. 174–178]. На Урсаевском кладбище обнаружено восемь камней плохой сохранности, пять из них описаны, а на одном памятнике указана дата – 730 г. х. (1329/30 гг.) [23, с. 136–138]. По мнению известного специалиста по татарским надгробиям Д.Г. Мухаметшина, болгарские эпитафии Чишминского района «очень близки к памятникам города Болгара. Стрельчатая арка, отсутствие орнаментальных мотивов, более изящное оформление говорят о том, что это произведение мастеров из Болгар, во всяком случае, памятники относятся к болгарской школе» [23, с. 140].

Позднее на некоторых кладбищах были возведены мусульманские мавзолеи (дюрбе, кешенэ). Все мавзолеи достаточно давно привлекали внимание путешественников, краеведов и историков, поэтому неоднократно изучались и описывались [9, с. 95–119; 11]. Мавзолеем Хусейн-бека у р.п. Чишмы сохранился частично. Раскопки показали, что это был семейный склеп. В нем были совершены 9 погребений – три взрослых и шесть детских. Могила самого Хусейн-бека располагалась в центре мавзолея напротив входа, окруженная каменной оградкой, а в изголовье находилась каменная стела с арабграфической эпитафийной надписью. Мавзолеем «Малый кэшэн» расположен у д. Нижние Термы. При раскопках выявлено 4 мусульманских погребения, совершенных по традициям близким к погребениям мавзолея Хусейн-бека. Мавзолеем «Тураhana» единственный из дюрбе из Южного Приураья довольно хорошо сохранившийся. При раскопках в нем были открыты три погребения, совершенные в дощатых гробах и ориентированных подобно другим погребениям.

Все три мавзолея сооружены из известковых камней, специально привезенных из Предкамья. Все сохранившиеся детали показывают, что все мавзолеи имеют портално-купольную форму с граненым (шатровым) наружным перекрытием. Купол был двойным – под шатровой конструкцией скрывалась купольная часть. Она облегчала постройку и служила для отвода воды, проникавшей через внешнюю крышу и вентиляции всей постройки. Шатровая крыша демонстрирует устремленность к небу, а массивный прямоугольник основания – бренность земной жизни. Выделенный порталный вход был украшен резьбой и служил наглядным отражением формулы перехода из мира бренного в мир вечности. Обе постройки имеют внутренний поминальный зал, где над погребенными были установлены надгробиями с эпитафиями. Вокруг всех мавзолеев располагались обычные грунтовые мусульманские погребения, а на части из них сохранились надгробия с эпитафийными камнеписными текстами XVII–XVIII вв.

Погребенные, где это было возможным выявлено, лежали в дощатых гробах, все головой на запад, а тело чуть развернуто на запад, как это было принято в болгарской исламской традиции [15, с. 60–69; 9, с. 95–119]. Погребальный обряд ясно показывает, что этот тип погребений, а особенно связанный с кладбищами, с надгробиями и мавзолеями, был связан с территорией Болгарского улуса. Не столько генетически, хотя значительный миграционный импульс был несомненным, сколько с религиозной законодательной практикой. Выявленный на этих кладбищах поминально-погребальный обряд показывает, что он отличался от среднеазиатского (хорезмийского) и наиболее близок к болгарскому XI–XIII вв. канону. Могильники так назы-

ваемой чияликской культуры представляли тот же мусульманский канон, но с сохранением некоторых традиционных погребальных элементов, особенно в отношении детей.

Особенности мавзолеев Чишминского района и целого ряда других мавзолеев Южного Урала, таких, как мавзолей «Бэндэбикэ», мавзолей «Кесене», а также мавзолей «Башня Тимура» близ пос. Варна Челябинской области, ясно и четко показывают, что они были сделаны по одному стандарту [11, с. 149–222]. Хотя эти мавзолеи были, видимо, сооружены позднее и при их строительстве использовался кирпич. Тем не менее, все они были построены по одному канону, который был, очевидно, принесен в Улус Джучи мусульманскими зодчими из Анатолии. В Волго-Уральском регионе центром распространения подобных мавзолеев являлся Болгар, откуда, вполне очевидно, пришли строители, создавшие мавзолеи Хусейн-бека и «Тура-хана».

Иными словами, в Икско-Бельском междуречье в XIII–XIV вв. выявлена настоящая иерархия мусульманских могильников – простые кладбища, на некоторых из них сохранились каменные стелы с эпитафиями, а также мавзолеи. Это была стройная и четко иерархия, повторяющая структуру общества. Анализ всех этих обстоятельств, а также учитывая датировку всех этих сохранившихся эпитафий, показывает, что все они сделаны во второй трети XIV в., то есть во время расцвета Улуса Джучи и бурного распространения ислама среди элиты общества. Может создаться впечатление, что малое число надгробий – это яркое свидетельство, что миграция была незначительной. Однако следует помнить, что установка подобного надгробия была показателем не «этнической», а социальной и религиозной идентичности. В средневековой общине подобная элита составляла весьма незначительную, но влиятельную и богатую часть общества, которая представляла собой единое целое. Поэтому установление надгробий и тем более мавзолеев было делом не просто рода, но и всей общины. Из этого следует, что местное сообщество представляло собой не неких полуязычников [7, с. 130–139], среди которых проживали немногочисленные мусульманские миссионеры, а цельные общины мусульман, занимавшихся земледелием.

Языковые особенности этих памятников хорошо известны – по крайней мере, два из них имеют языковые особенности, восходящие к элементам языка, но большинство – обычный старотатарский язык (поволжский тюрки) – литературная основа наддиалектного городского койне, характерного для Улуса Джучи [31; 32; 28]. Эти языковые детали в представлениях некоторых тюркологов служат основанием своеобразной критики представлений о миграции мусульманского населения из Болгарского улуса. По их мнению, непосредственно болгарский компонент надписей сынташского и красноключского памятников состоит из полутора – двух десятков лексем, которые обнаруживают наибольшую близость с нынешним преемником болгарского языка – чувашским. Имеющихся данных недостаточно, чтобы судить о распространенности болгарского языка в условиях древнего Предуралья. «Во всяком случае, не видно оснований говорить о каком-либо существенном влиянии болгарского языка XIII–XIV вв. на речь кыпчакоязычных обитателей края» [6, с. 23–26]. В этой фразе сосредоточены все обычные заблуждения – болгарский язык отождествляется с языком населения Булгарии, 3-язык приобретает «этнические»

черты неких «кыпчаков», которые были кочевниками и стали основой для будущего башкирского народа и, видимо, исключительно его.

Между тем, разговорным койне в Булгарии был такой же 3-язык и именно язык такого типа стал основой наддиалектного койне и литературного языка в Улусе Джучи [29, с. 621–628; 24, с. 184–198]. Следовательно, все рассуждения, что миграция мусульманского населения из Болгарского улуса была якобы незначительной, поскольку элементов «булгарского» языка в эпитафийных памятниках Икско-Бельского междуречья XIII–XIV вв. было очень мало, являются полным непониманием языковых процессов в средневековье. Мусульманские общины из Булгарии в быту говорили на разных говорах как на р-языке, так и на 3-языке. Следовательно, процессы в этом регионе протекали не так линейно – в виде «кыпчакизации» носителей «булгарского языка», а было сложное сочетание общинных диалектов при существовании общеразговорного койне, зафиксированного в литературе и эпитафиях. Поэтому, как бы то ни было, можно констатировать, что население этого региона говорило и понимало, а также писало на наддиалектном тюркском языке, который зафиксирован в надгробных эпитафиях. То, что этот язык стал позднее татарским литературным языком – лингвистический факт, а вот об особенностях «башкирского» языка, как и о языке населения «чияликской» культуры науке ничего неизвестно.

Все это определенно свидетельствует, что регион среднего течения р. Белой (Агидель) являлся регионом не просто проживания земледельческого населения, но и центром формирования единой мусульманской общности с ее единообразной культурой и наддиалектным языком общения и старотатарским письменным языком.

Между этим оседло-земледельческим и мусульманским населением и кочевым скотоводческим населением Южного Урала есть определенная ландшафтная и культурная граница. На южных рубежах и частично в степных коридорах по водоразделах в Икско-Бельском междуречье встречаются традиционные курганные могильники, которые можно связать с кочевым населением Улуса Джучи, входившим в сословную систему татарских кланов. Вопреки мнению целого ряда историков и археологов это население чисто формально можно считать кыпчакским. На самом деле оно отличалось от кыпчаков X–XII вв. практически по всем археологическим параметрам отличается от населения степей Евразии XIII–XIV вв. (смешанный обряд погребения в могильниках, наличие новых предметов оружия и всаднического снаряжения, деталей костюма и украшений, предметов быта и хозяйства). Можно сказать, что определенная часть этого населения была военно-служилой татарской аристократией, осуществлявшей власть в Улусе Джучи.

Во второй половине XIII в. представители этих кланов появляются в Болгарском улусе (Песчаноостровной и Балымерский могильники) [30, с. 114–116; 25, с. 61–76; 12, с. 130–152] и в Восточном Закамье (Байряки-Тамакский могильник) [20, с. 93–96], где открыты отдельные курганные погребения. Но основная масса подобных кочевнических погребений локализуется в степном Заволжье и на Южном Урале [33, с. 215–227]. Основные черты их погребальной обрядности: захоронения под небольшими земляными или каменными насыпями, а иногда просто в грунтовых ямах с перекрытием, умершие ориентированы чаще всего на север или запад, изредка они сопровождаются захо-

ронением коня и погребальным инвентарем (конское снаряжение, оружие, украшения и предметы быта), что имеет прямые аналогии в погребальных памятниках Центральной Азии, Южной Сибири и Поволжья [3, №730, 732, 1640; 33; 21]. Следует подчеркнуть общую тенденцию, что уже в конце XIV в. языческие курганные могильники исчезают в Южном Приуралье, сменяясь мусульманским обрядом захоронения, свидетельством чего являются кирпичные или саманные мавзолеи (кэшэнэ) XIV–XV вв. Все это свидетельствует, что население края к этому времени было практически полностью исламизировано и, в значительной мере, культурно нивелировано [16, с. 349–365; 18, с. 185–200]. То есть, постепенно процессы мусульманизации и культурной конвергенции вели к сглаживанию культурных границ в регионе, но эти процессы были прерваны периодом политической нестабильности и распада Улуса Джучи в начале XV в. Военная опасность и необходимость большей хозяйственной специализации привели, видимо, к сокращению числа оседлых поселений и переходу значительной части населения к полукочевому образу жизни и хозяйствования, что заставляло кочевников-скотоводов сдвигаться к северу, а зону земледелия – к побережью р. Камы.

Таким образом, специфика Икско-Бельского междуречья в XIII–XV вв. была обусловлена значительной миграцией оседло-земледельческого и мусульманского населения, которая освоила эти земли ассимилируя в культурном, религиозном и языковом плане небольшие группы местного и пришлого полуседлого населения. В золотоордынский период в регионе сформировалась устойчивая и достаточно состоятельная община мусульман-земледельцев, которая могла строить мавзолеи (дюрбе) и устанавливать каменные стелы с эпитафиями, что несомненно включает эту территорию в зону, где формировались этнокультурные основы татарского этноса. Дальнейшие периоды стали временем уже не культуругенеза, а расширения зоны освоения края татарским населением. В целом динамика историко-археологического развития региона в эпоху Улуса Джучи (XIII–XV вв.) довольно четко очерчивается, хотя и требует новых дополнительных исследований и более детальной проработки отдельных конкретных аспектов этой проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. От «баскардов» до «башкирцев»: судьба этнонима в XIII–XVI веках // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 786–800. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-4.786-800>
2. Антонов И.В. К вопросу о болгарской миграции на территорию Башкирии в период Золотой Орды // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. №2. С. 105–114.
3. Археологическая карта Башкирии. Под ред. О.Н. Бадера. М.: Наука, 1976. 263 с.
4. Археологические памятники Восточного Закамья. Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1989. 100 с.
5. Археология Южного Урала. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 1992. 233 с.
6. Гарипов Т.М. Относительно «булгарских» эпитафий Башкирии // Письменные памятники Башкирии (Историко-филологические исследования). Отв. ред. З.Г. Ураксин. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1982. С. 52–68.

7. Гарустович Г.Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 130–139.

8. Гарустович Г.Н. К вопросу об особом типе памятников археологии XIV века на территории исторического Башкортостана (кладбища с каменными надгробиями с исламскими эпитафиями) // Проблемы востоковедения. 2012. № 2(56). С. 39–45.

9. Гарустович Г.Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4). С. 95–119.

10. Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 181–196.

11. Гарустович Г.Н., Нечвалода А.И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана (история, археология, биоантропология). Уфа: Китап, 2020. 400 с.

12. Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В. Южный Урал в эпоху средневековья (V–XVI века н.э.). Уфа: Баш. гос. пед. ун-т, 2013. 280 с.

13. Иванов В.А., Злыгостев В.А. Башкирский юрт Золотой Орды (1236–1437). Уфа: Китап, 2021. 272 с.

14. Измайлов И.Л. Восточное Закамье в эпоху средневековья в контексте социальной истории (к вопросу о периодизации) // Природа и самоорганизация общества. Под ред. Э.С. Кульпина. М.: Изд-во «Московский лицей», 2002. С. 226–238.

15. Измайлов И.Л. К вопросу о каноничности и языческих пережитках в мусульманском погребальном обряде волжских булгар // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 60–69.

16. Измайлов И.Л. Становление средневекового татарского этноса // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 349–365.

17. Измайлов И.Л. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 599–617.

18. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.

19. История татар с древнейших времен. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 1056 с.

20. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 131 с.

21. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: Фэн, 2010. 200 с.

22. Миргалеев И.М. Старокалмашевская надмогильная плита и вопросы этнической интерпретации населения Приуралья в средние века // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. С. 174–178.

23. Мухаметшин Д. Г. Об эпиграфических памятниках Восточного Закамья (к вопросу о локальных вариантах болгарских эпиграфий) // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1981. С. 136–140.

24. Нуреева Ф.Ш. Язык письменных памятников золотоордынского периода // История татар Западного Приуралья. Т. 1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 184–198.

25. Руденко К.А. Кочевники в Булгарском улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. №2(4). С. 189–211.

26. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.

27. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
28. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987. 192 с.
29. Хакимзянов Ф.С., Измайлов И.Л. Языки населения Волжской Булгарии и проблема «булгарского» языка // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 621–628.
30. Халикова Е.А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1965. №104. С. 114–116.
31. Юсупов Г.В. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища // Вопросы башкирской филологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 120–122.
32. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 322 с.
33. Яминов А.Ф. Кыпчаки на Южном Урале в XIII–XIV вв. // Археология Южного Урала. Стерлитамак: Стерлитамакский гос. пед. ин-т, 1992. С. 215–227.

REFERENCES

1. Aksanov A.V. From the “Bascardi” to the “Bashkirs”: The Fate of an Ethnonym during the 13th–16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 4, pp. 786–800. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-4.786-800> (In Russian)
2. Antonov I.V. On the issue of Bulgar migration to the territory of Bashkiria during the period of the Golden Horde. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii = Magistra Vitae: electronic journal on historical sciences and archeology*. 2018, no. 2, pp. 105–114. (In Russian)
3. Archaeological map of Bashkiria. Ed. by O.N. Badera. Moscow: Nauka, 1976. 263 p. (In Russian)
4. Archaeological monuments of Eastern Trans-Kama region. Rep. ed. A.Kh. Khalikov. Kazan: IYALI KSC AS USSR, 1989. 100 p. (In Russian)
5. Archeology of the Southern Urals. Sterlitamak: Sterlitamak state ped. Institute, 1992. 233 p. (In Russian)
6. Garipov T.M. Regarding the “Bulgar” epitaphs of Bashkiria. *Written monuments of Bashkiria (Historical and philological studies)*. Ed. by Z.G. Uraksin. Ufa: IYAL BF AN SSSR, 1982, pp. 52–68. (In Russian)
7. Garustovich G.N. On the ethnicity of early Muslim monuments of Western and Central Bashkiria. *Problems of the ancient Ugrians in the Southern Urals*. Ufa: BNC UrO AN SSSR, 1988, pp. 130–139. (In Russian)
8. Garustovich G.N. On the question of a special type of archeological monuments of the 14th century on the territory of historical Bashkortostan (cemeteries with stone tombstones with Islamic epitaphs). *Problemy vostokovedeniya = Problems of Oriental Studies*. 2012, no. 2(56), pp. 39–45. (In Russian)
9. Garustovich G.N. “Theory of mausoleums” or regional features of the cult memorial architecture of the Ural-Volga region of the Golden Horde era (historical and ethnographic aspects of the problem). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 2(4), pp. 95–119. (In Russian)
10. Garustovich G.N. Chiyalik archaeological culture of the Middle Ages in the Southern Urals. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*. 2015, iss. 15, pp. 181–196. (In Russian)
11. Garustovich G.N., Nechvaloda A.I. Medieval stone mausoleums of Bashkortostan (history, archeology, bioanthropology). Ufa: Kitap, 2020. 400 p. (In Russian)

12. Ivanov V.A., Zlygostev V.A., Antonov I.V. Southern Urals in the Middle Ages (5th–16th centuries AD). Ufa: Bash. state ped. univ., 2013. 280 p. (In Russian)
13. Ivanov V.A., Zlygostev V.A. Bashkir yurt of the Golden Horde (1236–1437). Ufa: Kitap, 2021. 272 p. (In Russian)
14. Izmailov I.L. Eastern Trans-Kama in the Middle Ages in the context of socio-natural history (on the issue of periodization). *Nature and self-organization of society*. Ed. by E.S. Kul'pin. Moscow: Moskovskiy litsey Publ., 2002, pp. 226–238. (In Russian)
15. Izmailov I.L. K On the question of canonicity and pagan remnants in the Muslim funeral rite of the Volga Bulgars. *Questions of the ancient history of Volga-Kama*. Kazan: Master Lain, 2002, pp. 60–69. (In Russian)
16. Izmailov I.L. The formation of the medieval Tatar ethnos. *History of the Tatars from ancient times. In 7 vols. Vol. III. Ulus Jochi (Golden Horde). 13th – mid-15th centuries*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 349–365. (In Russian)
17. Izmailov I.L. Bulgar ulus: Bulgar and other emirates. *History of the Tatars from ancient times. In 7 vols. Vol. III. Ulus Jochi (Golden Horde). 13th – mid-15th centuries*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 599–617. (In Russian)
18. Iskhakov D.M., Izmailov I.L. Ethnopolitical history of the Tatars (3th – mid-16th centuries). Kazan: RIC «Shkola», 2007. 356 p. (In Russian)
19. History of the Tatars from ancient times. In 7 vols. Vol. III. Ulus Jochi (Golden Horde). 13th – mid-15th centuries. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009. 1056 p. (In Russian)
20. Kazakov E.P. Monuments of the Bulgar era in the eastern regions of Tataria. Moscow: Nauka, 1978. 131 p. (In Russian)
21. Kostyukov V.P. Ulus Shiban of the Golden Horde in the 13th–14th centuries. Kazan: Fen, 2010. 200 p. (In Russian)
22. Mirgaleev I.M. Starokalmashevskaya gravestone and questions of ethnic interpretation of the population of the Urals in the Middle Ages. *Arheologiya Evraziyskikh stepey = Archeology of the Eurasian steppes*. 2017, no. 6, pp. 174–178. (In Russian)
23. Muhametshin D.G. On the epigraphic monuments of the Eastern Trans-Kama region (on the issue of local variants of Bulgar epigraphies). *On historical monuments along the Kama and Belaya valleys*. Ed. by A.Kh. Khalikov. Kazan: KFAN SSSR, 1981, pp. 136–140. (In Russian)
24. Nureeva F.Sh. The language of written monuments of the Golden Horde period. *History of the Tatars of the Western Urals. Vol. I. Nomads of the Great Steppe in the Urals. Tatar medieval states*. Collective monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 184–198. (In Russian)
25. Rudenko K.A. Nomads in the Bulgar ulus of the Golden Horde (according to archaeological data). *Povolzhskaya Arkheologiya = The Volga River Region Archaeology*, 2013, no. 2(4), pp. 189–211. (In Russian)
26. Fakhrutdinov R.G. Archaeological monuments of Volga-Kama Bulgaria and its territory. Kazan: Tatar book Publ., 1975. 220 p. (In Russian)
27. Fedorov-Davydov G.A. Social system of the Golden Horde. Moscow: MGU, 1973. 180 p. (In Russian)
28. Khakimzyanov F.S. Epigraphic monuments of Volga Bulgaria and their language. Moscow: Nauka, 1987. 192 p. (In Russian)
29. Khakimzyanov F.S., Izmailov I.L. Languages of the population of Volga Bulgaria and the problem of the “Bulgar” language. *History of the Tatars from ancient times. In 7 vols. Vol. II. Volga Bulgaria and the Great Steppe*. Kazan: RukhIL Publ., 2006, pp. 621–628. (In Russian)

30. Khalikova E.A. Archaeological research in the Kuibyshev region of the TASSR. *Brief communications of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences*. 1965, no. 104, pp. 114–116. (In Russian)

31. Yusupov G.V. Two gravestone inscriptions from an ancient Bashkir cemetery. *Questions of Bashkir philology*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959, pp. 120–122. (In Russian)

32. Yusupov G.V. Introduction to Bulgar-Tatar epigraphy. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 322 p. (In Russian)

33. Yaminov A.F. Kipchaks in the Southern Urals in the 13th–14th centuries. *Archeology of the Southern Urals*. Sterlitamak: Sterlitamak State ped. Institute, 1992, pp. 215–227. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Искандер Лерунович Измайлов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усмано-ва, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (410111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2165-2916. E-mail: ismail@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iskander L. Izmailov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2165-2916. E-mail: ismail@inbox.ru

Поступила в редакцию / Received 26.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 27.02.2024

Принята к публикации / Accepted 04.03.2024